

«Нет, не был гостем я...»

Александр РОМАНОВ

I

Еще задолго до моего знакомства с Александром Романовым случилось так, что он, сам о том не подозревая, круто изменил мою судьбу. В конце 1958 года я вернулся на родину, в Явенгу, из далекого донецкого города Кадиевки, где работал на шахте. Приехал, огляделся и призадумался: куда податься? Шахтерская моя специальность горного мастера здесь не значила ровно ничего. Из предприятий в Явенге действовал только лесопункт, а у меня не было даже водительских прав, чтобы сесть на машину и возить лес. Рассеянно перебирал я стопку районной газеты «Борьба», которую выписывала мать, и вдруг увидел стихи. Очень хорошие, прямо-таки замечательные стихи о деревне. А так как и сам я уже не первый год «баловался стихами», хотя еще ни разу не публиковался, то перечитал много раз подряд стихотворные строчки и подпись под ними: Александр Романов. И, конечно, подумал, что автор стихов работает в вожегодской «Борьбе». А почему бы и мне не поискать места, ведь рядом с таким талантливым человеком и жить проще? Сказано – сделано. Сажусь на поезд, приезжаю в Вожегу, иду в редакцию. Редактор Василий Федорович Замятин (позднее он покончил жизнь самоубийством) сказал, что может взять меня только корректором, на очень маленькую ставку. Ставка действительно была раз в десять меньше того, что я получал на шахте. Тем не менее я тут же согласился. У ответственного секретаря Володи Фуряева спросил, где можно найти Романова. Он-то мне и объяснил, что Романов живет в Вологде, сотрудничает в молодежной газете, а стихи его появились в «Борьбе» потому, что Фуряев и Романов хорошо знакомы. Я несколько разочаровался, но дело было сделано, работу в газете я получил, а толчком послужили стихи молодого еще тогда Александра Романова. Да и как было не влюбиться в такие, например, строки, написанные как раз в 1958 году:

Красной копной на пригорке
В сумерках вырос костер.
Дымом то сладким, то горьким
Тянет в заречный простор.

Или такие:

Уже теперь мы сами –
Подумай, друг, сочти –

С погибшими отцами
Ровесники почти.
И снимки фронтовые
Их молодость хранят.
Какие молодые
Они на нас глядят!

Жила еще война в памяти всех и каждого!

А впереди были целые россыпи удивительных по силе и красоте стихов, были поэмы «Мать», «Северяновна», «Павла», «Черный хлеб», «Три зари», «Сыновья», каждая из которых вызывала живой отклик литературной критики. Около двадцати двух стихотворных сборников вышло у Александра Романова – труд поистине титанический и до сих пор по достоинству не оцененный.

Я не намерен анализировать творчество Александра Александровича, я просто хочу рассказать, каким он остался в моей памяти, ведь случилось так, что судьба свела нас довольно близко.

Впервые я увидел его в Тотьме, в начале шестидесятых годов: он сопровождал группу писателей в поездке по Сухоне на пароходе. Русоволосый красавец с льняными волосами, с чисто русским симпатичным лицом и веселыми глазами, Саша произвел очень доброе впечатление. Вместе с ним приехали Василий Белов, Сергей Викулов, Константин Коничев, Виктор Коротаяев и другие известные писатели и поэты. Мы познакомились, почти подружился. После этой поездки он не раз присылал свои стихи в тотемское «Ленинское знамя», где я работал ответственным секретарем.

Держу в руках листочки, датированные 1965 годом, с заголовком «Из осенней тетради». Они получены и опубликованы в «Ленинском знамени» в октябре 1965 года. Три стихотворения без названий, вот начало одного: «По ночам проснусь и слышу: нету в мире тишины. Шлеп да шлеп дожди о крышу, до озноба холодны». Так всегда у Романова – он сразу погружает в свою стихию.

Александр Александрович много лет руководил Вологодской писательской организацией. Понятно, что он всегда был в курсе дел, волновавших писателей. Почти о каждом из них он оставил проникновенные, теплые строчки. Скажем, о своем друге Сергее Орлове:

«Читаю Сергея Орлова – и душа моя отзывается на каждую строку, горит, скорбит, омрачается, озаряется, возвышается, и нету для меня тишины, нет покоя...» («КС», 1979 г. № 35-36).

А сколько добрых слов написано им о Белове, Абрамове, Фокиной, Чухине и других!

Он не раз обращался в стихах и прозе к Николаю Рубцову. Это была не просто дружба, это было восхищение. Кстати, во время его секретарства, в 1970 году, Дербина пыталась вступить в Союз писателей. Об этом Романов подробно рассказал в своем очерке «Встречи с Рубцовым», опубликованном в «Красном Севере» в 1993 году, а затем в книге «Искры памяти». Романов вспоминает: «На собрании обсуждалась новая книга Дербиной. Коротаяев выступил резче меня, что-то о «медвежьем рычании» в ее стихах. Белов и Фокина свое неприятие такой лирики выразили суровым молчанием. Всего интереснее было узнать мнение Рубцова. Он резко выступил против физиологизмов в поэзии Дербиной».

Помнится время, когда я работал заведомом культуры в «Красном Севере», начиная с 1976 года. В то время я готовил ежемесячные «Литературные страницы». Виделись мы с Сашей чуть ли не ежедневно. Романов охотно давал мне интервью, приносил стихи и очерки, многие из которых после публикации в газете вошли в его книги «Версты раздумий» и «Искры памяти». От того времени осталось у меня несколько книг Александра Александровича с его автографами.

Я очень любил слушать его устные рассказы о деревне, о поездках в Москву или на литературные праздники, на Пушкинские дни. По сути дела это были готовые статьи, причем очень яркие. Однажды посреди такого рассказа-импровизации я достал диктофон:

-Не возражаешь?

-Зачем это? А впрочем, как хочешь...

Импровизированное интервью вскоре было опубликовано в газете.

II

Детство и юность Александра, как и у всех мальчишек военного лихолетья, были несусветно тяжелым. Вот так он сам вспоминал то время на вечере в Воробьеве, посвященном его 50-летию:

«Мне выпала судьба родиться на реке Двинице, и стала для меня малая родина лучшим местом на земле». (Кстати, все цитаты из романовских выступлений взяты мной из собственноручных записей, так как мне удалось присутствовать на многих мероприятиях, где он выступал).

«Как мы жили в детстве? И хулиганили, и яблоки воровали. В овинных печах картошку пекли. Помню, в голодные военные годы мать иногда посылала меня к соседке, вроде бы за солью, но с тайной надеждой, что там мне дадут кусок хлеба. В школу ходили пешком из Петряева в Воробьево – за семь километров. В 1945 году поступили с другом в педучилище. Хлебных карточек нам не полагалось, продукты взяли с собой, а они в чемоданах все сгнили. Около десяти дней сдавали экзамены, голодные, но поступили. Обрато доехали тепловозом до устья Двиницы, а дальше пробирались пешком через болото. Первые годы в училище – это годы борьбы за выживание: жили только на карточки. А в общежитии небо было видно сквозь крышу, мерзли страшно...».

Присутствуя на том памятном вечере, я с трудом успевал записывать взволнованную, эмоциональную речь Романова. Остановился он тогда и на своем поэтическом творчестве:

«Прожитая жизнь, окружающая и предстоящая, очень звонко вокруг меня ходит. За плечами у меня более двадцати книг, многое сделано в журналистике. Я обрел не только желание, но и способность любить родных, ближних, земляков, всех нас, это дает мне возможность спокойно смотреть в завтрашний день. В красоте моей родины удалось найти искренность моей поэзии. Ведь поэзия – как молитва. Сейчас в мире много эгоизма, излишнего расчета, когда не до милосердия, не до сострадания. Но, возможно, мне удалось выразить голос этой земли. Я счастлив тем, что застал стариков, которые с их поэтической речью наговорили мне много стихов. Если бы у меня не было Петряева, не сделал бы я многого из того, что удалось сделать».

Писать стихи Александр начал еще в школе, в старших классах. Участвовал в работе школьных литкружков. Педучилище, а затем

пединститут, знакомство с известными литераторами довершили становление поэта. Он вспоминал:

«На моем пути встретились талантливые и благородные люди. Первый из них – Александр Яшин. Он прямо волок за собой молодых. Он меня и заметил, помог стать участником третьего Всесоюзного совещания молодых писателей».

Долг, как говорится, платежом красен. Позднее, будучи уже ответственным секретарем молодой еще Вологодской писательской организации, Романов воспитал многих молодых литераторов. Вот что сказал В. И. Белов на том же памятном вечере в Воробьеве, посвященном юбилею Романова:

«Без него и у меня жизнь была бы труднее. Он познакомил меня с Александром Яшиным и Сергеем Викуловым. Роль Романова в литературе несравнима ни с какой другой. Это – народный поэт и народный заступник».

И верно. Александр Александрович был предельно внимателен ко всем писателям-вологоджанам, не упускал случая сказать о ком-нибудь теплое доброе слово. Даже о поэте Игоре Тихонове, который скоро сошел с писательского пути, он сказал: «Это опытный поэт. Со своим голосом. И умудренный жизнью человек. Со своей позицией. Хлеб себе добывает не пером, а крестьянским трудом. И живет в любимой им Вологде». Эти строки были написаны в 1994 году, незадолго перед тем, как Игоря Тихонова убили в пьяной драке...

Помог Романов и мне в издании первой моей книжки «Пятачок на берегу», которую сам и редактировал. Книжка вышла в 1977 году в Северо-Западном книжном издательстве.

Заботиться о молодых писателях, тревожиться за них Александр Александрович продолжал до конца своей жизни. Благодаря его усилиям и участию в работе приемной комиссии в Москве в Союз писателей СССР было принято, пожалуй, не меньше десятка молодых вологодских писателей и поэтов. Некоторые уже ушли из жизни, другие стали известными и уважаемыми литераторами. Вот что он сказал на отчетно-выборном писательском собрании весной 1988 года:

«Меня заботит судьба молодых. Ощущение такое, что мы заслоняем собой дорогу вослед идущим. Но и они порой страдают иждивенчеством, мало участвуют в жизни города, области, не видно их и на творческих вечерах. С другой стороны – трудно складывается дело с изданием новых книг. Прямо гибельное дело. Даже в двадцатые годы при «Красном Севере» издавались маленькие книжечки стихов, теперь же об этом нечего и думать. Начинает рваться преемственность в литературе...»

Он был прав. Рвалась не просто преемственность, рвался весь привычный уклад жизни, ведь уже начиналась горбачевская «перестройка». И Романов пророчески заметил:

«Историзм времени счет лицо, как обжигающий ветер. Наступает время возрождения родной истории, ее понимания, знания. И пораживает направленность некоторых СМИ: якобы любовь к России, все слишком русское надо сдерживать. Если начнем сдерживать – это конец. Ведь шовинизм и национализм – это жупелы, которыми пугают слабонервных. Русские никогда ни с кем не враждовали. А сейчас мы или возродим чувство родины, или всех одолеет безразличие».

В девяностые годы Романов много и напряженно думал о том, куда идет Россия, о сути и смысле поэзии, о ее роли в обществе, о чем свидетельствуют его многочисленные выступления на вечерах, на писательских собраниях и семинарах. Так, на семинаре молодых литераторов в 1993 году он говорил:

«Существуют книги о поэтическом мастерстве, о технической стороне поэзии. Но сама поэзия – дело мистическое, окутанное тайной. Мы все учились поэзии, слушали умные советы. Но научить поэзии невозможно. Взять точный выбор ритма – этому не научишь. Поэзия непознаваема умом. К счастью, существует поэзия Северной Руси. У нас есть Клюев, Ганин, Яшин, Рубцов, Викулов, Фокина. Это явление – поэзию Севера – будут изучать долго».

Особенно трепетно относился Романов к поэзии Николая Рубцова. Выступая на вечере, посвященном 50-летию Рубцова, он говорил:

«Трудно представить, каким бы Рубцов был сейчас, какие покорил бы новые высоты, какие открыл бы тайны поэзии. Его мучил не образ, а звук. Много в его стихах «незримых певчих пенья хорового», это пенье его преследовало. Уйдя от шума эстрадников в тотемские леса, он открывал там новые звуки, которые ложились в его стихи. В 1962 году я прочел его стихотворение «Я буду скакать по холмам задремавшей отчизны» и понял, что это поэт гениального размаха. Рожденный для высокого, такой человек живет с ощущением спрессованного времени. Может быть поэтому такие люди долго и не живут. Он явил новый дух в современной поэзии: всероссийский, всеевойковой. Историзм его стихов и сделал его всенародным. Его поэзия стала песней, она живет по всей земле нашей, перешагнула и ее рубежи».

Многие из этих слов можно отнести и к поэзии самого Александра Романова. Многие его стихи и поэмы столь же нетленны и неподвластны времени, как и творения Николая Рубцова. Надолго запомнится и проза Александра Александровича, особенно его книга очерков «Искры памяти». В сущности, это сборник размышлений поэта, умного и страстного человека о судьбе России. Тон сборнику задает открывающая его новелла «Дионисий в Ферапонтове». Щемлящим, горьким упреком нам, сегодняшним, звучат здесь романовские слова:

«И неведомо нам, что когда-то на Руси жизнь людскую утверждали «через умное и сердечное делание». И не расписывали ее по пятилеткам, а повседневно и всеучастливо вкладывали свои труды в неделимость времен и в будущее шли, как на подвиг. Вот Нил Сорский. Вот Дионисий. А мы-то, нынешние, до того испоганились, измельчали, продали свое великое прошлое, что ни о каком духовном усовершенствовании и думать не желаем. Лишь по рабской привычке опять надеемся, что жизнь на Руси наладится кем-то и без нашего «умного и сердечного делания».

Целая галерея «делателей» представлена в этой романовской книжке: Алексей Ганин, Николай Клюев, Александр Яшин, Сергей Орлов, Николай Рубцов, Василий Белов, Федор Абрамов... Все это русские страдальцы, не умевшие кривить душой, подлаживаться да заискивать, а потому получавшие то пулю, то серию ударов критическими дубинками приспособленцев.

В «Искрах памяти» Романов вновь заявил себя как очень тонкий ценитель искусства. Его рассуждения о природе художественной прозы, поэзии, публицистики поражают верностью и неординарно-

стью взгляда. Только человек, одолевший почти недоступные вершины поэзии, мог дать ей столь нестандартную характеристику:

«Что такое «вещество поэзии»? Это свет откровений из глубины души или из разломов народной судьбы. Это словесное пламя самих времен».

И еще:

«Образ души, состояние души, ее вселенская отзывчивость – вот в чем светоносность Поэзии. Современность в ней не столько внешние реалии жизни, сколько драматизм человеческих взаимоотношений в потоке времени. В прошлом – очарование, в настоящем – страдание, в будущем – искупление».

Один из очерков Александра Романова называется «Где же русский путь?». «Главный русский путь, – говорит автор, – это путь к себе, в себя, в свое прошлое и будущее одновременно. Через заблуждения к собиранию не только исторических камней, но всех наших, разъятых безвременьем родственных связей. К собиранию самих себя, своей национальной сущности!».

Не завещание ли это большого русского таланта нам, оставшимся жить после него?

Вновь я перебираю письма, записки Александра Александровича, которые присылал он мне из своего родного Петряева, а то и из Вологды, когда не было минутки заглянуть в «Красный Север»: то он торопился в Москву, то в Петрозаводск, то в деревню. Письма всегда теплые, дружеские, какие-то родные. Особенно тронуло последнее, написанное после известия о моем уходе из газеты на пенсию:

«Дорогой Василий Дмитриевич!

Мне жаль расставаться с твоей дружеской опекой в «Красном Севере». С тобой легко, даже радостно вместе работать. Но я, уже давний пенсионер, понимаю твою газетную усталость. Дай Бог тебе душевной свежести, оказавшись на пенсионной «свободе». Вместе с письмом к тебе отсылаю в газету материал в «Родник». Он называется «Травинкой» – лирико-философские раздумья о встречах с Яшиным и Солоухиным. Надеюсь на читательскую заинтересованность.

В Вологду предполагаю вернуться в конце октября. Передай мой душевный привет твоей семье и друзьям-писателям.

Остаюсь верным тебе другом А. Романов».

Размышляя о жизни и судьбе Александра Александровича Романова, невольно вспомнил слова Ф. М. Достоевского: «Широк человек!» Могучий и самобытный русский поэт, блестящий публицист, непревзойденный организатор, верный друг, наконец, просто веселый и добрый человек с чистой душой и неизменной заботой о судьбах родного края – таким он был, а теперь уже навсегда останется не только в памяти знавших его, но и в многострадальной русской литературе.

«Нет, не был гостем я в родном краю!» – сказал Александр Романов в одном из последних своих стихотворений. Глубоко и верно сказал. Не гостем он был, а защитником и страдальцем земли нашей.

